УДК 02

Т. В. Захарчук

Представления о научных школах в науках библиотечно-информационного цикла

Формирование представлений о научной школе в дисциплинах библиотечно-информационного цикла. Особенности формирования современных научных школ в библиографоведении. Проблема лидерства в библиотековедческих и библиографоведческих научных школах.

Ключевые слова: научная школа, библиографоведение, лидер научной школы

Tatyana Zakharchuk

Perceptions of scientific schools in the library and information sciences

Formation of scientific school in library and information sciences. Features of the modern scientific schools in the bibliography. The problem of leadership in scientific schools in bibliography.

Keywords: scientific school, bibliography, leader of scientific school

Проблемы формирования научных школ и возможностей их идентификации в библиографоведении почти не рассматривались в профессиональной литературе. В публикациях имеются лишь некоторые упоминания о научных школах, причем в каждой из них предлагается собственное представление о том, каковы их основные черты.

Необходимость изучения научных школ в библиографоведении, на наш взгляд, диктуется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, в науке очень мало упоминаний о конкретных научных школах. Необходимо выявить их, понять их содержание, особенности и отличия от других форм организации научной деятельности ученых.

Во-вторых, в условиях значительных изменений, которые происходят в современном библиографоведении, возникает необходимость систематизации накопленных научных знаний в понятиях, учитывающих все его составные элементы, одним из которых является понятие «научная школа».

В-третьих, в организации современных библиографоведческих исследований следует использовать преимущества самоорганизации ученых в форме научных школ.

Как было сказано выше, в профессиональной литературе мы находим лишь единичные упоминания о научных школах в библиографической науке, из которых очень трудно получить представление о том, что собой представляет библиографоведческая научная школа.

По мнению многих специалистов (Н. В. Здобнов, Э. К. Беспалова, Л. В. Астахова и др.), библиографическая наука институализировалась к середине XX в. Следовательно, только с этого момента мы можем говорить о формировании в ней реальных научных школ. Хотя Э. К. Беспалова в своей последней книге, посвященной истории библиографоведения, пишет о библиографической науке периода ее зарождения: «На основе единства принципов отношения к науке и практике (научная аксиология) и собственно научной работы формируются научные группы, сообщества, школы»[1], т. е. она считает, что уже в этот период могли формироваться научные школы, при этом, не называя ни сами школы, ни их лидеров.

В. А. Фокеев, говоря о научных школах в библиографии конца XIX – начала XX в. (не разделяя практическую и научную деятельность), утверждает, что школы – это «научные направления, которые обосновывают свои представления о библиографии»[2]. Такое определение нам представляется чрезвычайно широким, даже если учитывать, что оно относится к начальному этапу развития библиографической науки.

Упоминания о школах в библиографии встречаются и в начале XX в. Например, «Н. Ю. Ульянинский отмечал, что в границах общей парадигмы формировались школы отечественной библиографической науки и практики:

- адемическая (т. н. формалистическая, „объективистская“), отстаивавшая принципы исчерпывающего учета литературы;
- научно-вспомогательная, настаивавшая на сугубо технической роли библиографии, ответственной лишь за элементарные процессы описания литературы и составления ее сводов;
- текстографическая, нацеленная на текстологические, историографические и источниковедческие проблемы и создание научно-справочных аппаратов к различным изданиям;
- социально-ориентированная, направленная на формирование общественного сознания

в „нужном“ направлении библиографическими средствами;

• библиопсихологическая и библиопедагогическая, опирающиеся в библиографической работе на психологические и педагогические основания;

• литературно-персонографическая, главной задачей которой было создание и теоретико-методическое обоснование исчерпывающих биобиблиографических словарей российских писателей»[3].

Разумеется, в данном случае речь идет не о научной школе как о сплоченной научной группе, имеющей лидера и учеников, способствующей их профессиональному росту. Н. Ю. Ульянинский, скорее, перечисляет основные концепции библиографии, существовавшие в то время. Ни о каких научных школах в современном понимании этого слова в тот период не могло быть и речи, хотя бы потому, что в этот период мы наблюдаем чрезвычайно слабую степень институализации науки (отсутствие специальных научных и учебных организаций, где могли бы развиваться научные исследования), узкий круг специалистов, разрабатывающих научные проблемы.

В первые годы советской власти речь в основном идет только о формировании школ по идеологическому признаку. Например, И. В. Владиславлев в прениях по его докладу на II Всероссийском библиографическом съезде говорил: «Конечно, в разных странах особые условия будут накладывать определенный отпечаток на ту или иную школу, но в основе в наше время все-таки приходится говорить только о двух школах – о буржуазной школе книговедения и библиографии и о социалистической школе книговедения и библиографии. Необходима социалистическая школа книговедения. Я думаю, что в выполнении этой задачи прежде всего наибольшую роль придется сыграть нам, библиографам СССР; нам придется заложить основы новой социалистической школы книговедения и библиографии»[4].

В послевоенные годы в стране была уже только одна – социалистическая школа библиографоведения. Это констатирует в своей статье «Главный итог: (советское библиографоведение за 70 лет)» Э. К. Беспалова: «Теоретическая дискуссия 50–60-х гг. внесла фундаментальные диалектико-материалистические идеи в библиографоведение. Марксистская методология стала реальным инструментом познания, активизировала теоретическую мысль, исследования книги, читателя, чтения и т. д.»[5].

В 1970–1980-х гг. О. П. Коршунов предлагает профессиональному сообществу новую парадигму развития библиографии в целом и библиографоведения, в частности. Однако, говоря об организации научных исследований в библиографической науке, он ни разу не упоминает о возможности и необходимости проведения научных исследований в рамках научных школ. В его работах, как и в публикациях его предшественников, рассматриваются лишь различные концепции развития библиографии, разработанные крупными учеными (Ю. С. Зубовым, В. А. Соколовым, И. Г. Моргенштерном и др.). Это означает, что Коршунов в тот период не видел реальной роли научных школ в проведении библиографоведческих исследованиий[6].

В более поздних работах, обобщающих развитие библиографической науки (И. Г. Моргенштерн, В. А. Фокеев), уже рассматриваются научные школы в библиографоведении, называемые по имени лидера. Однако ни один из авторов не упоминает об особенностях формирования научных школ в библиографической науке. Именно поэтому, на наш взгляд, в библиографоведении сложилась традиция использования этого термина в ряде случаев без достаточных на то оснований. В большинстве случаев под научной школой понимают все ту же принадлежность к одной исследовательской программе.

И. Г. Моргенштерн впервые подходит к научной школе в библиографоведении с науковедческих позиций. По его мнению, «наибольшую исследовательскую активность, измеряемую количеством публикаций, проявляют научные школы в библиографоведении и смежных дисциплинах. Понятием „научная школа“ обозначают коллектив, которым руководит ее основатель – крупный ученый. Как правило, научные школы формируются в вузах и учреждениях, в которых действуют аспирантура и диссертационные советы. Для научной школы характерны направленность исследований, общие методология и методы исследований. Влияние научных школ сохраняется и после смерти их основателей. В библиографоведении заметное место заняли научные школы М. А. Брискмана, О. П. Коршунова, Ю. С. Зубова, В. А. Фокеева, М. Г. Вохрышевой, А. В. Соколова, В. А. Минкиной, Г. Ф. Гордукаловой и других ученых»[7]. В приведенной цитате выделяется несколько признаков научной школы – наличие лидера, единая направленность исследований, единая методология, т. е. предлагается использовать разработанные в науковедении признаки научных школ для выявления научных школ в библиографической науке. Он же приводит первые особенности формирования научных школ в библиографической науке, считая, что «научная школа (в библиографоведении. – *Т. З.*) редко ограничивает круг исследований одним

видом библиографии или применением одного метода. Но можно установить основное направление ее деятельности»[8]. Кроме того, именно И. Г. Моргенштерн первым обратил внимание на то, что библиографоведческие научные школы прежде всего формируются в вузах.

Нельзя тем не менее согласиться с И. Г. Моргенштерном в том, что каждый крупный ученый является лидером научной школы. А именно это прослеживается в его работах. Представляется, что лидеры научных школ перечислены им несколько волюнтаристски. Все указанные ученые, несомненно, внесли огромный вклад в развитие отечественного библиографоведения. Но это не означает, что каждый из них создал свою научную школу, в которой есть единая исследовательская программа, традиции, лидер, ученики, развивающие достижения учителя. Ведь в истории есть немало примеров того, как ученые мирового уровня не оставляли последователей, считавших их своими учителями. (Например, К. Ф. Гаусс, М. Фарадей, Г. Л. Гельмгольц и некоторые другие крупные ученые не создали своих научных школ. При этом невозможно отрицать их огромный вклад в развитие науки.)

Понимание «научной школы» И. Г. Моргенштерном, на наш взгляд, связано с тем, что в последние десятилетия в науковедении идут активные теоретические и прикладные исследования научных школ, в которых описываются основные критерии научных школ, их функции и способы идентификации. Однако нельзя не учитывать тот факт, что большинство этих исследований относится к научным школам в естественных и прикладных науках.

По мнению В. А. Фокеева, «в российском современном библиографоведении сосуществуют несколько теоретических концепций (школ):

- информационно-документографическая (О. П. Коршунов);
- информационно-книговедческая (книгографическая) (А. И. Барсук, Э. К. Беспалова);
- информграфическая (идеографическая) (Н. А. Сляднева);
- информационно-управленческая (А. А. Гречихин, А. А. Обризан),
- информационно-культурологическая (М. Г. Вохрышева, М. И. Давыдова, Н. Б. Зиновьева, Ю. С. Зубов, С. А. Трубников);
- информационно-педагогическая (психологическая, читателеведческая) (Ю. С. Зубов, С. А. Трубников, Ю. М. Тугов, Н. А. Соловьева, Б. А. Смирнова);
- социально-коммуникативная или духовно-производственная (А. В. Соколов);
- знаниевая или когнитографическая (ноосферно-культурологическая) (В. А. Фокеев);
- процессно-знаниевая (В. П. Леонов);
- науковедческая (Л. В. Астахова, А. В. Куманова);
- школа библиографических исследований документных потоков (Г. В. Гедримович, Г. Ф. Гордукалова, Л. В. Зильберминц, Т. И. Ключенко, В. А. Минкина, Э. Е. Рокицкая, Д. Ю. Теплов).

Разработчики этих концепций имеют разные теоретические представления о сущности (природе) библиографии, ее непосредственном объекте (книга, документ, информация, знание, текст, читатель и т. д.), метасистеме (книжное дело, система документных или социальных коммуникаций, личное или общественное сознание, социальное управление, универсум человеческой деятельности, знания, информациии и т. д.)»[9].

Более точное представление В. А. Фокеева о научных школах мы находим в его терминологическом словаре, где он под научными школами в библиографоведении конца XIX – начала XX в. понимает «научные направления, которые обосновывали свои представление о библиографии. Действовали такие школы, как академическая, научно-вспомогательная, текстографическая, социально-ориентированная, библиопсихологическая и библиопедагогическая, литературно-персонографическая»[10].

И снова мы видим знак равенства между «концепцией» и «школой», отношение к научным школам как к референтным группам, работающим в рамках одной научной парадигмы. В ряде случаев автор не может назвать хотя бы одного последователя данной концепции, а тем более «ученика» крупного ученого, сформулировавшего ту или иную библиографическую концепцию. Речь не идет о воспитании членов научной школы и сохранении ее традиций.

В 1980–1990-х гг. появляются работы, посвященные идентификации научных школ в библиотековедении, библиографоведении и информатике. Работ, освещающих формирование научных школ именно в библиографической науке, практически нет. Большинство авторов, видимо, считает, что научные школы в науках библиотечно-информационного цикла развиваются по одному «сценарию». В этих работах также, как правило, используются представления о научной школе, принятые в науковедении и не учитывающие особенностей развития и современного состояния этих наук.

Одно из наиболее полных и всесторонних исследований научных школ в библиотековедении, библиографоведении и информатике было проведено во второй половине 1980-х гг. О. И. Воверене[11].

О. Б. Борисова считает главным признаком

научной школы «преемственность в развитии научных идей»[12]. Она же утверждает, что «на исследуемый момент в библиотековедении сформировались 12 основных научных коллективов»[13]. Из текста статьи остается не совсем понятным, что имеет в виду автор под научными коллективами. Научно-исследовательские отделы крупных библиотек? Кафедры вузов культуры? Научные школы?

Представляется, что, вслед за В. А. Фокеевым и И. Г. Моргенштерном, О. Б. Борисова считает школой специалистов, работающих в одном научном направлении, вводя при этом еще один признак школы – диссертации, защищенные ее членами под руководством лидера. Этот признак, конечно, важен, но недостаточен для точного описания деятельности научной школы.

Называя руководителей научных школ, выявленных методом анализа авторефератов диссертаций, О. Б. Борисова противоречит сама себе, говоря о том, что в научную школу входят все специалисты, защитившие диссертацию у того или иного крупного ученого. Однако это не совсем так. Многие ученики после защиты диссертации «уходят» в другие области исследований, связанные с местом их постоянной работы. А иногда даже переходят на противоположные научные позиции, т. е. меняют исследовательскую программу. Тем более, что сама О. Б. Борисова пишет о том, что многие ученики изначально защищали диссертации по тематике, не относящейся к исследовательской программе учителя. О какой научной школе можно в таком случае говорить?

Например, А. Н. Ванеев, которого О. Б. Борисова называет «наиболее продуктивным научным руководителем», несомненно, таковым и является. Под его руководством защищено большое количество диссертационных исследований. Но это совершенно не означает, что все диссертанты причисляют себя к членам созданной (или так и не созданной) им научной школы. И таких примеров можно привести множество. Где научная школа великолепного ученого И. К. Кирпичевой? Много ли специалистов, защитивших диссертации, причисляют себя к научным школам В. С. Крейденко, И. В. Гудовщиковой и других прекрасных исследователей, чьи работы являются фундаментом библиотечно-информационной науки? Отсутствие школы никак не характеризует ученого и его достижения. Просто, как правильно писала О. Воверене, «Не каждый способен… отрезать кусок от интереснейшей для себя самого темы и отдать, доверить своему ученику»[14]. Для создания научной школы нужны не только научные знания и талант исследователя, но и «человеческий талант», способность отдавать ради продолжения собственного дела в учениках.

И. В. Лукашов в статье, посвященной деятельности научной школы Григорьева–Столярова, пишет: «Можно констатировать, что в библиотековедении, как и в любой другой дисциплине, формируются и развиваются научные школы – неформальные коллективы специалистов, сплоченных общей программой и стилем исследования и действующих под руководством признанного лидера»[15]. По его мнению, одним из главных признаков научной школы в библиотековедении является то, что «во главе школы постоянно находится видный библиотековед, чей вклад в науку высоко оценивается как научным сообществом, так и официальными инстанциями»[16]. В той же работе отмечается и важность коммуникационной составляющей в деятельности научной школы. Причем одинаково важными признаются как потоки информации, движущиеся от учителя к ученику, так и те, которые «связывают членов научной школы».

Из всех рассмотренных выше подходов к формированию научных школ в дисциплинах библиотечно-информационного цикла можно сделать вывод о том, что их авторы переносят представления, выработанные в науковедении для естественных наук, на гуманитарные науки. Более того, И. В. Лукашов прямо пишет о научных школах в библиотековедении, что «считая библиотековедение такой же наукой, как и все остальные, требования к этой дисциплине надо предъявлять общие, без скидок на специфику ее развития или особенности биографии тех или иных специалистов. Как правило, подобные скидки предполагают молчаливое признание слаборазвитости библиотековедения по сравнению с отраслями „большой науки“»[17]. Следовательно, он не предполагает при изучении научных школ учитывать гуманитарный характер науки и особенности ее формирования и развития, вероятно считая, что они не оказывают серьезного влияния на особенности формирования неформальных научных коллективов.

Необходимо также отметить, что в огромном количестве биографических статей, посвященных крупным библиографоведам, их называют главами научных школ, не упоминая ни названия школы, ни ее исследовательской программы, ни ее членов.

Таким образом, можно говорить о том, что в библиографоведении нет обоснованных представлений о научной школе, учитывающих особенности его развития. Как правило, школой называют ученых, придерживающихся единой точки зрения на решение определенных про-

блем развития науки и не имеющих связи «учитель–ученик». Все попытки определить научную школу в библиографической науке сводятся, как правило, к выявлению характерных для нее признаков, принятых в науковедении для школ естественнонаучного профиля.

Представляется, что для формирования теоретических представлений о научной школе в библиографической науке необходимо выявить ее характерные черты, связанные с гуманитарным характером самой науки и особенностями ее развития как научной дисциплины. В области практического изучения научных школ важным представляется сформировать методику их идентификации, опирающуюся как на достижения современного науковедения, так и на достижения самой библиографической науки.

Примечания

[1] Беспалова Э. К. Формирование библиографической мысли в России (до 60-х гг. XIX в.). СПб.: Профессия, 2007. С. 27.

[2] Фокеев В. А. Библиографическая наука и практика: терминол. слов. СПб.: Профессия, 2008. С. 261.

[3] Его же. Библиография: теорет.-методол. основания: учеб. пособие. СПб.: Профессия, 2006. С. 25–26.

[4] Труды II Всероссийского библиографического съезда. М., 1929. С. 59.

[5] Беспалова Э. К. Избранное: ст. за 20 лет: в 3 т. М.: МГУК, 1994. Т. 2. С. 43.

[6] Коршунов О. П. Проблемы общей теории библиографии: моногр. М.: Книга, 1975. 192 с.; Его же. Библиографоведение: общий курс: учеб. М.: Кн. палата, 1990. 232 с.; и др.

[7] Моргенштерн И. Г. Общее библиографоведение: учеб. пособ. СПб.: Профессия, 2006. С. 168.

[8] Там же.

[9] Фокеев В. А. Библиография. С. 56.

[10] Фокеев В. А. Библиографическая наука и практика. С. 261.

[11] Воверене О. И., Вилькина О. П., Рингайтите Д. А. Идентификация научных школ в библиотековедении, библиографоведении и информатике: социал.-коммуникат. аспект // Науч. и техн. б-ки СССР. 1989. № 2. С. 11–19.

[12] Борисова О. Б. Научно-исследовательские коллективы в библиотековедении: наукометр. анализ // Науч. и техн. б-ки. 1997. № 8. С. 7.

[13] Там же.

[14] Воверене О. И., Вилькина О. П., Рингайтите Д. А. Указ. соч. С. 11–19.

[15] Лукашов И. В. Идентификация научных школ в библиотековедении // Науч. и техн. б-ки. 1998. № 10. С. 72.

[16] Там же. С. 74.

[17] Там же.